

БУРЯТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И БУРЯТСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ

Язык как социальное явление возникает и развивается вместе с возникновением и развитием общества. Изменение языков, разобщение и образование новых самостоятельных языков составляют органическое единство с общим процессом развития общества. Еще в 1877 г. великий американский этнограф и археолог Льюис Генри Морган отмечал: «Постоянная тенденция к разделению... коренилась в элементах родовой организации. Она усиливалась дальнейшей тенденцией к образованию различий в языке, неизбежной в условиях их общественного состояния и обширности занятых ими территорий. Устная речь, замечательно устойчивая в своих грамматических формах, не может все-таки оставаться неизменной. За территориальным разобщением народа следовали с течением времени изменения языка, а это, в свою очередь, вело к разделению интересов и в конечном счете к полной самостоятельности».¹

Полностью изолированных языков фактически не бывает, разобщенные языки и диалекты обязательно соприкасаются или контактируют с другими, зачастую иносистемными языками, что является стимулом интенсивного процесса отдаления их от языка-источника, так называемого праязыка, и приводит к существенным изменениям в области лексики, грамматического, фонетического строя и, как следствие, образованию самостоятельного языка.

Действительно, образование самостоятельных монгольских языков, по заключению корифеев монгольского языкознания, началось сравнительно поздно, в период развитого средневековья, что было связано с распадом великой монгольской империи. До этого исторического периода монгольские диалекты представляли племенные ответвления единого языка, что засвидетельствовано учеными Китая, Ближнего Востока, Средней Азии, Европы в списках монгольских слов, в записях различных текстов, специальных словарях.

Что касается бурятского языка, то он, как самостоятельный в семье монгольских языков, начал складываться несколько раньше, чем другие, и сложился на обширной территории от верховьев рек Ангара и Лена, низовьев р. Селенга до оз. Байкал, т.е. в циркумбайкальском регионе. Археологические, фольклорные и другие данные позволяют судить, что первые монголыязычные кочевники, которые впоследствии стали первыми протобурятскими племенами, переселились в пределы территории вокруг оз. Байкал в X–XI вв. н. э. Это были представители трех известных в монгольской истории древних племен: икиресов (эхиритов), булгачинов (булагатов) и коро (хоринцев). Язык этих монгольских племен, заселивших циркумбайкальский регион, составляли, по традиционному определению монголоведов, северомонгольские племенные диалекты.

Значительно позже примкнул к трем бурятским племенам довольно большой пласт монголов, известный под общим названием *хонгодоры*. Эти племена осели в нынешних бурятских регионах Закамны, Тунки и Оки, в Аларском районе Иркутской области. В начале XVIII в. в пределы современной Бурятии прибыли *цонголы* и *сартулы*, которые представляли конгломерат многих монгольских родов: табани утов, хатагинов, атаганов, хорчинов, урянхайцев.

В. И. Сосновский пишет, что «по данным якутского фольклора..., впервые монголо-бурятские племена, с хоринцами во главе, проникают на северо-восточный берег Байкала в начале X в.»² К XI в. относятся захоронения кочевников-скотоводов, раскопанные А. П. Окладниковым в верховьях р. Лена³ и Г. Ф. Дебецем – в низовьях р. Селенга⁴.

Как указывал А. П. Окладников, археологические материалы «позволяют предположить проникновение монголыязычных кочевников вглубь Прибайкалья еще ранее, т. е. до образования Монгольской империи. Проникнув в эти далекие места, часть монголов могла остаться там фактически независимой от Чингисхана и его преемников. Именно так и случилось, по-видимому, с предками ленских бурят, считавших себя... потомками... Эхирита и Булагата».⁵

Из истории края известно, что в те далекие времена в регионе Прибайкалья обитали тюркские (куруканы) и тунгусские (эвеики) племена. Если тюрки занимали, в основном, низменные, пригод-

ные для пастбищ угодья, то эвенки – горные и таежные места. Поэтому, надо полагать, столкновение первых монголов с тюрками (с основной массой) носило разовый и кратковременный характер, в результате чего «потомки древних курыкан» были оттеснены на север и запад, тогда как эвенки продолжали оставаться на своих обжитых местах.

В одном из древних шаманских гимнов бурят, записанных С. П. Балдаевым у эхиритских бурят в 1906 г., об истоках контактов между бурятами и эвенками поется следующим образом: «Когда мы шли из Алтая, богородской травой очищались. Когда спустились мы на Лену, на правом берегу ее осели. Подружились с эвенками, сражались (или столкнулись) с якутами...»⁶

О продолжительных и оживленных контактах предков бурят и тунгусских племен свидетельствуют многие факты как чисто языкового, так и исторического, антропологического и этнического характеров. Естественным результатом длительного сосуществования двух этносов в пределах одной или смежной территории явилось оживленное контактирование их языков. При интенсивной ассимиляции эвенкийского и монгольского языков на территории Прибайкалья и Забайкалья первый, фактически, оказался поглощенным. Монгольский язык сохранил свою лексику, грамматический строй и фонетику, но в то же время он приобрел много особенностей, появившихся под влиянием контактирующего с ним эвенкийского языка в виде субстратных явлений.

Из многих субстратных явлений наиболее рельефно выделяются топонимические названия почти всех регионов, заселенных бурятами. Они в своем подавляющем большинстве состоят из эвенкийских слов⁷ Что касается звукового строя бурятского языка, то одно только появление *h* в системе фонем одного из монгольских языков повлекло за собой полную перестройку структурного ряда смычно-щелевых и щелевых согласных. Если в монгольской фонетической системе всегда доминировали смычные согласные, то в бурятском языке начинают преобладать спиранты, что, безусловно, отразилось на артикуляторной специфике языка в целом.

Исследователями языка установлено, что такие существенные особенности бурятского языка, как топонимические названия, интонационное своеобразие, появление фарингального *h*, полное от-

сутствие аффрикат, являются результатом языковых контактов и трактуются как элементы эвенкийского языкового субстрата.

Вполне допустимо предположение, что при передвижении основной массы предков якутов из Циркумбайкалья на север, возможно и на запад, отдельные группы остались на занимаемых ими ранее территориях. Таким местом вполне могли оказаться богатые пастбищами, отдаленные от центра, долины рек, в частности Тугнуя и Курбы в Забайкалье, Курумчинская долина в Прибайкалье. Со временем их говоры были ассимилированы языком основной массы региона (монгольских племен – предков бурят), оставив некоторые следы субстрата, например, по р. Тугнуй и Курба – в виде сильно развитого «оканья», в эхиритском и булагатском говорах – появление среднеязычного *j* вместо общебурятского *ж*, нетипичная для монгольских языков опережденная артикуляция гласных *a* и *o*. Все они также находятся в сфере действия языковых контактов, но рассматриваются как следы взаимодействия с диалектом одного из тюркских племен⁸. Таким образом, циркумбайкальский территориальный ареал оказался историческим местом оживленного контактирования монгольского (протобурятского) языка с эвенкийским и частично тюркским языками, что, в конечном итоге, привело к их полной ассимиляции. Поскольку в тот исторический период в данном регионе монголыязычный этнос уже занимал доминирующее положение, то монгольский язык сохранил в основном свою лексику, грамматический строй и фонетику, но в то же время он приобрел ряд существенных особенностей в виде субстратов эвенкийских и, частично, тюркских языков.

Это и послужило одним из существенных факторов, определивших образование нового самостоятельного монгольского языка – бурятского. Соответственно, носителей бурятского языка, именно как этнических бурят, можно назвать аборигенами циркумбайкальского ареала, куда относятся современные географические зоны Предбайкалья и Забайкалья.

Со времени присоединения Бурятии к России (XVII в.) бурятский язык активно контактирует с русским языком. Постоянные хозяйственные и культурные связи между бурятами и русскими не могли не отразиться в их языках, не только буряты усваивали русские слова и русскую речь, но и русские заимствовали бурятские слова, учились говорить по-бурятски. С этого времени языковая

ситуация в Бурятии стала существенным образом изменяться, интенсивное развитие получило двуязычие: как русско-бурятское, когда русские овладевали бурятским языком, так и бурятско-русское, когда буряты овладевали русским языком. В начальный период развивалось достаточно гармоничное двуязычие, шел объективный, вполне паритетный языковой процесс. Действительно, в этнической Бурятии никто никого «дубинкой в рай не загонял», а сама жизнь, объективная языковая ситуация закономерно привела к двуязычию, которое в аналогичных условиях должно восприниматься как благо для контактирующих этносов. Русские и буряты, находясь на одной или смежной территории, не только заимствовали друг у друга отдельные орудия труда, предметы быта, но и соответствующие слова и выражения, у них постепенно менялся общественный и бытовой уклад жизни. Вот почему в языке местного русского населения до сих пор употребляются бурятские слова и термины, относящиеся к скотоводческому хозяйству (*бурун* «годовалый теленок», по-бур. *буруу*; *качерик* «двухгодовалый телок», по-бур. *хашараг*), что же касается земледельческой терминологии, особенно по хлебопашеству, то буряты до сих пор пользуются русскими словами и терминами (пшеница по-бур. *шэниисэ*, овес – *обеосо*, ячмень – *шмээн* и т.п.).

Появление и особенности развития двуязычия обусловлены не только нахождением на одной или смежной территории разноязычных народов, но и конкретными социальными и экономическими факторами и постоянно изменяющимися условиями жизни каждого из контактирующихся этносов.

Двуязычие – это социальное явление, оно со временем охватило почти всю этническую Бурятию, но в разной степени в разных ее регионах. Различие касалось не только территориального расположения контактирующих групп бурятского и русского населения, далеко не одинаково развивалось оно среди сельских и городских бурят, среди людей разных социальных слоев, развитие его зависело от образовательного уровня и профессии. Несмотря на это, двуязычие среди бурят развивалось быстрыми темпами. Здесь следует признать, что бурятско-русское двуязычие до конца 30-х гг. шло в правильном направлении и воспринималось носителями бурятского языка как явление жизненно необходимое, никак не ущемляющее национальные интересы и самобытность бурятского

народа. Многие буряты, особенно представители зарождающейся интеллигенции в совершенстве овладевали русским языком, в то же время, хорошо зная свой родной язык.

Даже сегодняшние ветераны, окончившие в свое время бурятские школы, отлично владеют русским языком. Так эффективно и дидактически правильно было поставлено в бурятских школах обучение русскому языку, нисколько не ущемляя при этом знание и изучение родного языка. Многие из них – выходцы из бурятских улусов – стали впоследствии крупными научными, политическими и религиозными деятелями. Хорошо зная свой родной язык, они внесли большой вклад в совершенствование литературного бурятского языка. Например, известный политический и религиозный деятель А. Доржиев небезуспешно занимался совершенствованием старописьменного монгольского языка, приближая его алфавит и орфографию к произносительной норме бурятского языка.

Таким образом, буряты в отличие от других сибирских народов имели свой письменный язык, каковым являлся старописьменный монгольский язык. Он обслуживал в одинаковой степени успешно все монгольские народы. Только в самой Бурятии на этой письменности была создана огромная литература самого различного содержания. До сих пор не потеряли своей научной ценности написанные на старописьменном языке бурятские исторические летописи-хроники, которые продолжают переиздаваться и в наши дни и активно используются в трудах историков. На этой письменности были изданы правовые и другие документы, степные уложения хоринских, селенгинских и других бурят.

С распространением буддизма в Бурятии издавались в дацанах значительными тиражами не только религиозные, но и светские сочинения исторического и мемуарного характера, а также тексты сказок, афоризмов, комментарии к переводам из восточных языков философских трудов и учебных пособий. Ко всему этому следует добавить, что среди бурятского населения имел достаточно широкое распространение эпистолярный жанр, вплоть до последнего времени люди старшего поколения, владевшие старомонгольской грамотой, переписывались на этой письменности.

Функционирование в Бурятии частных школ и приходских училищ, где преподавание шло на старописьменном монгольском языке, наряду с вышеперечисленными фактами убедительно сви-

детельствует о том, что еще далеко до установления Советской власти буряты имели свой литературный язык с соответствующей устной и письменной формой.

Становление литературного языка – это эволюционный постепенный процесс. Одним днем можно объявить переход на новый алфавит, директивным путем можно перейти на новую письменность, но сам литературный язык нельзя создавать в одночасье даже путем административно-командных указов.

Любой язык, чтобы стать литературным языком того или иного народа, должен быть нормализованным и в известной мере образцовым. Это означает, что нормы литературного языка должны восприниматься его носителями единственно правильными, соответственно – обязательными. А для того, чтобы язык стал нормализованным, образцовым и воспринимался правильным для всех, надо учиться этому языку, особенно его письменной форме. Отсюда становится очевидным, что формирование бурятского литературного языка определяется достаточно длительным периодом.

Нельзя отрицать того, что в ранний период своего развития на бурятской почве старописьменный монгольский язык обслуживал в основном верхушечный слой населения, его социальная база в силу этого оставалась довольно узкой. Его демократизация связана с более поздним периодом развития бурятского общества, когда появились учебные учреждения, когда буддизм в Бурятии принял массовый характер и заметно расширилась социальная база родного языка бурят.

Когда по всей стране развернулось движение по созданию новых письменностей, по смене старых графических систем, в Бурятской республике на I-м совещании по культурно-национальному строительству в 1926 г. было принято решение о преждевременности перехода на другую письменность. Таким образом, старомонгольская вертикальная письменность уже на государственном уровне была утверждена официальной письменностью бурятского языка. Как раз этот период характеризуется существенной активизацией бурятского литературного языка и издательской деятельности на нем.

История развития бурятского языка показывает, что этот язык имеет давнюю письменную и литературную традицию. По единодушному мнению корифеев монгольского языкознания бурятский

язык относился к северной группе диалектов так называемого единого монгольского языка, который сохранился до сегодняшнего дня как старописьменный монгольский язык. Этот письменный язык обслуживал все живые монгольские племенные диалекты.

Монголисты всех времен до сих пор пытаются найти и установить «какое же монгольское племя впервые ввело эту письменность, на основе какого из диалектов монгольского языка начал складываться письменный язык»⁹. Много было гипотез и предположений относительно найманов или керейтов, как самых близких соседей уйгуров, от которых был заимствован алфавит (вертикальная уйгурская письменность).

В последние годы многие исследователи монгольских языков высказывали предположения об ойратской основе старописьменного языка. Имеется довольно распространенное мнение о торгутских диалектах якобы самых близких старописьменному монгольскому языку по своим фонетическим признакам. Все попытки-поиски диалектной основы старописьменного монгольского языка (СПМЯ) оказались тщетными. История изучения этой письменности показывает, что уйгурский вертикальный алфавит сознательно внедрялся на монгольскую языковую почву как наддиалектный язык, одинаково близкий и в то же время одинаково отдаленный от всех живых племенных монгольских диалектов. Такая же «дисганция» продолжает сохраняться, когда многие из этих диалектов, возможно более развитые, развились в самостоятельные монгольские языки.

Ближе всех к такому выводу подошел Г. Д. Санжеев в своей работе «Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов»¹⁰. Аналогичная точка зрения недавно высказана У.-Ж. Ш. Дондуковым в периодической печати¹¹.

В условиях многодиалектности языка создание единого литературного языка закономерно сталкивается со многими, порой альтернативными, положениями:

- Или этот письменный литературный язык в фонетическом (орфоэпическом) отношении должен стать наддиалектным и в одинаковой степени взаимодействовать со всеми диалектами;

- Или он должен складываться на основе произносительных норм одного, можно допустить, даже самого развитого диалекта.

Тогда он оказывается фактически непонятным для носителей всех остальных диалектов;

- или для каждого отдельного диалекта создается своя письменность, что, во-первых, противоречит общегосударственным интересам, а, во-вторых, ведет к бесперспективным образованиям мелких «удельных» языков, что непременно приведет к тупиковой языковой ситуации.

В средневековой Монголии XII–XIII вв. был избран первый путь, старописьменный язык, основанный на уйгурском вертикальном алфавите, был внедрен на монгольскую языковую почву как единый письменный общегосударственный язык.

В условиях того периода (XII–XIII вв.) выбор письменности и уникальный для своего времени путь внедрения письменной формы в многодиалектный монгольский языковой мир был единственно правильным и, в конечном счете, гениальным решением. Такой феномен мог быть осуществленным либо жесткой рукой гениального властелина, либо предвидением великого ученого, каковым по предположениям монголоведов был уйгурский ученый Тата-Тунга. Надо полагать, что только союз этих выдающихся личностей смог разрешить единственно правильным путем эту судьбоносную для всего монгольского мира проблему на века.

Неоднократные попытки заменить эту письменность более совершенными (квадратная письменность, ойратская письменность) оказались безрезультатными. Старописьменный монгольский язык и по сей день успешно обслуживает монгольские языки и диалекты Внутренней Монголии, а в других монголоязычных регионах в разные годы был осуществлен переход на другую алфавитную основу.

В Халха Монолии был осуществлен переход на кириллицу несколько позже, чем в монголоязычных республиках СССР (Бурятия, Калмыкия). Принятие кириллистической графической системы в этих республиках не дало ожидаемого положительного эффекта.

В последние годы в учебных заведениях Монголии успешно внедряется старописьменный монгольский язык. Вероятно, незамедлительный возврат к старой письменности является весьма проблематичным, т. к. молодое поколение незнакомо со старомонгольской письменностью.

В Бурятии перешли на латиницу в 1931 г., а в 1939 – на кириллицу с хоринской диалектной базой. С тех пор прошло уже более полувека, однако, до сих пор продолжают мучительные поиски путей по усовершенствованию бурятского литературного языка. Предлагаются различные варианты. Например, создание литературного языка на многодиалектной основе, при этом широко используя лексическое богатство и грамматические особенности всех диалектов, возврат к латинице или к сонголо-сартульской диалектной основе, даже – возврат к старомонгольскому письменному языку.

Любая смена письменности, какую бы роль она не играла в дальнейшей судьбе народа, как правило, несет с собой негативные моменты, так как в результате этого прерывается вся литературная и культурная традиция народа. При смене алфавитов у бурят была допущена непоправимая ошибка: старомонгольская письменность была объявлена ламаистско-дацанской и панмонгольской и предана полному забвению.

Поскольку вся бурятская дореволюционная литература и история бурятского народа, а также постреволюционная, богатая по содержанию и значимости, документация были написаны на этой письменности, то следовало бы сохранить хотя бы факультативное изучение этой письменности. Этого не было сделано, и в результате, в пору гласности и демократизации общества, когда наступило время пересмотра прежних исторических, политических и других концепций, современные научные работники, общественные и государственные деятели республики оказались беспомощными, так как возникла проблема обработки исторических материалов, партийных и государственных документов на старомонгольской письменности. Сейчас многие вынуждены изучать этот язык как новый, а для этого нужно время. Но, несмотря на это, необходимо незамедлительно приступить к изучению этого языка, чтобы богатейшие старые рукописи, архивные материалы и разнообразная литература, изданная до 30-х гг., не оставалась лежать мертвым грузом.

При создавшейся языковой ситуации в Бурятии любая кардинальная ломка литературного языка чревата опасностью потери самого литературного языка. Поэтому единственный выход: усовершенствовать изучение родного языка в учебных заведениях,

улучшить подготовку педагогического персонала, а самое главное – коренным образом изменить в лучшую сторону издательскую деятельность на бурятском языке.

Как указывалось выше, после революции языковая ситуация в Бурятии стала существенным образом изменяться. В нашей огромной стране, которая называлась Советским Союзом, на роль языка межнационального общения закономерно выдвинулся русский язык. Интенсивное развитие получило бурятско-русское двуязычие. Например, в начальные годы Советской власти (в 20–30-е гг.), развивалось достаточно гармоничное бурятско-русское двуязычие. Языковое строительство в республике шло в правильном направлении: заметно расширялась сфера применения бурятского языка – титульного языка республики Бурятия. В те годы обучение в школе полностью осуществлялось на родном языке. Учились не только дети, но и взрослые: действовал так называемый ликбез, развивалась сеть школ крестьянской молодежи (ШКМ). Интенсивно развивалась издательская деятельность на бурятском языке, заметно возрос культурный уровень, началось формирование бурятской интеллигенции и научных работников.

Однако эти положительные тенденции были прерваны трагическими событиями 1937–1938 гг., когда почти полностью подверглись репрессиям энтузиасты этого прогрессивного движения. Ликвидация значительной части национальной интеллигенции и специалистов-ученых из числа русской интеллигенции, занимавшихся изучением культуры и языка коренных народов, нанесла огромный урон культурному развитию этих народов, в том числе сохранению и совершенствованию их языков. Непомерная централизация и монополизация всей жизни нашего общества, вульгарные противопоставления классовых и национальных интересов надолго законсервировали развитие национальных языков.

Все реальные проблемы межнациональных отношений в нашей стране в период так долго длившегося командно-административного правления прикрывались громкими лозунгами о дружбе народов, безликого интернационализма и т.п. В такой ситуации проблемы языков вообще не обсуждались, любая попытка в этом направлении оценивалась как националистическая со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 50-х – начале 60-х гг. нас захлестнула идея построения коммунизма в ближайшие 20 лет. Затем был брошен призыв незамедлительного образования новой исторической общности – единого советского народа; широко пропагандировали лозунг о так называемом втором родном языке и т.п. Все это коснулось судеб людей, целых народов, как говорится, проходило «по живому» и сыграло весьма отрицательную роль в укреплении и развитии советских наций и их языков.

Все эти негативные явления в нашей стране отразились и на бурятском народе; был нанесен немалый ущерб и его языку, который фактически утратил свои общественные функции и был сдвинут на периферию социальной жизни.

С развитием в республике промышленного производства, с появлением индустриальных гигантов в Республике Бурятия начала складываться новая языковая ситуация; появлялись целые предприятия, соответственно и жилые массивы, где в основном говорили на русском языке. Как раз в этот период бурятский язык нуждался в государственной заботе о его сохранении и развитии, в создании материальной базы и других условий, чтобы выжить в такой неординарной обстановке. Во всех общеобразовательных школах республики, в том числе и в тех, где преподавание ведется на русском языке, необходимо было обеспечить изучение истории, литературы и искусства бурятского народа, так как люди, добровольно приехавшие на постоянное место жительства в национальную республику и связавшие свои судьбы с этой республикой, не могли не интересоваться историей и географией, литературой и искусством коренного народа. Для желающих углубить свои знания в области бурятской литературы, языка, истории и т.п. можно было организовать преподавание бурятского языка, учитывая при этом принцип добровольности. Могли из среды ученых появиться новые Черемисовы, Кудрявцевы, Румянцевы.

Вместо этого в республике был избран другой путь: все школы Улан-Удэ, районных центров и рабочих поселков перешли на общесоюзную программу. Бурятский язык не преподается ни в вузах, ни в средних специальных учебных заведениях. Дело дошло до абсурда, когда в начале 70-х гг. было приостановлено начальное образование на родном языке во всех бурятских школах. Это распространялось даже на начальное обучение в школах тех населен-

ных пунктов республики, где проживают одни буряты, дети которых, естественно, не знали никакого другого языка, кроме родного. С этим, мягко говоря, недоразумением связаны и другие негативные явления – сокращение издания литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению и т.п.

Эти вопиющие недоразумения могли привести не только к падению авторитета или популярности бурятского языка, что, собственно, и произошло, но и к его полному забвению.

Эти крайности начали исправляться в нашей республике только в последние годы, когда мы пришли к новому видению национально-языковых проблем. Страна решительно становится на демократический путь развития, широко возрождается национальное самосознание, и как следствие – остро встает вопрос об овладении родным материнским языком. Только в 1986 г. обучение во всех начальных классах школ с бурятским контингентом учащихся было переведено на родной язык. Были приняты меры по некоторому увеличению выпуска литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению. Проводятся уроки бурятского языка в школах города и некоторых районных центров, организовывались передачи по телевидению и факультативы в газете по изучению бурятского языка. Что очень важно, в 1991–1992 учебном году открыт в Бурятском государственном университете специальный факультет бурятской филологии, который в 2002 г. преобразован в Национально-гуманитарный институт БГУ.

Но, как показала сама жизнь последних лет, все эти достаточно энергичные и прогрессивные мероприятия не достигли нужного эффекта, ибо сфера функционирования бурятского языка была сужена почти до критической точки и большой процент бурят, особенно в городах и рабочих поселках, стали русскоязычными.

Стало очевидным, что для восстановления и поднятия статуса бурятского языка необходимы более существенные меры, вплоть до принятия правового акта – признания бурятского языка государственным наряду с русским языком и разработки научно обоснованных законодательных актов о языках Республики Бурятия. В соответствии с законом Российской Федерации «О языках народов РФ» 10 июня 1992 г. был принят закон РБ «О языках народов Республики Бурятия», где говорится о двух государственных языках – русском и бурятском.

Территория Бурятии – это единственный регион на земном шаре, где может сохраниться и развиваться бурятский язык, переходя из поколения в поколение. С этим, безусловно, должны быть согласны живущие бок о бок с бурятами русские, которые составляют подавляющее большинство населения республики, и люди других национальностей, проживающие в Бурятии. Поэтому объявление бурятского языка государственным наряду с русским в пределах Бурятии – это справедливый правовой акт, направленный на возрождение бурятского языка, на его сохранение и дальнейшее развитие.

Закон о языках – это акт долговременный, и его стратегическая задача должна быть нацелена, главным образом, на молодое поколение, чтобы росли уверенные в жизни, гармонично развитые люди, в совершенстве владеющие как своим родным языком, так и русским и другими языками. Только таким путем можно на деле реализовать задачи сохранения и развития языков.

В законе «О языках народов Республики Бурятия» наряду с его основной статьей о придании статуса государственного бурятскому и русскому языкам констатируется, что Бурятская республика, как и Российская Федерация, должна обеспечивать на своей территории экономическую, социальную и юридическую защиту языков, подразумевая при этом осуществление конкретных практических мероприятий. В целях реализации Закона о языках Правительством Республики Бурятия было принято постановление № 241 от 09.07.1996 г., где было указано, что «Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» не выполняется в полном объеме. Ряд его статей на практике не применяется». Придавая важное значение выполнению закона РБ о языках, Правительством Республики Бурятия была разработана и утверждена «Государственная программа сохранения и развития языков народов РБ».

В концепции государственной программы Российской Федерации справедливо подчеркивается, что «в республиках в составе РФ, где коренное население, давшее название республике, составляет меньшинство, язык этого коренного населения нуждается в особой защите и поддержке»¹². И справедливо указано в государственной программе РБ: «Сохранение и развитие титульного языка Республики Бурятия – это повседневная, осознанная всем населением республики работа, рассчитанная на десятилетия. Здесь требуется

большая разъяснительная работа, популяризация родного языка, главным образом, через средства массовой информации. Языковая проблема – это весьма деликатная область, требующая максимально корректного подхода. Нередко языковые конфликты оказывались скрытыми причинами межнациональных потрясений. Поэтому эта работа должна проходить без элементов принуждения и администрирования. Нет сомнения в том, что для сохранения и развития бурятского языка одного юридического (правового) акта мало, необходимо, чтобы все это закреплялось нравственно, проходило через сознание не только самих бурят, но и представителей других народов, проживающих в республике и связавших свои судьбы с Бурятией. А это означает, в конечном счете, что поднимать культуру собственного народа и развивать свой родной язык возможно только в том случае, если не отрицать культуру другого народа, относиться с уважением к языку другого народа.

¹ Льюис Г. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. С. 62.

² Сосновский В. И. К вопросу об образовании бурятской народности // Бурятоведение, Верхнеудинск, 1928. Вып., 4 (8). С. 101

³ Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. М., 1958.

⁴ Дебеч. Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубина // Бурятоведение. Верхнеудинск, 1926. Вып.2.

⁵ Окладников А. П. Археологические данные... С.200-201.

⁶ Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 1970. С.294.

⁷ Об эвенкийских топонимах в бурятском языке см. статью автора под таким же названием в кн. «Исследования по ономастике Прибайкалья». – Улан-Удэ, 1990. С. 3-8.

⁸ Подробно об этом см. статью автора «Результаты контактирования языков алтайской общности в циркумбайкальском регионе» // Вопросы языкознания. – 1998. – №4. – С. 123-128.

⁹ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. С. 14.

¹⁰ Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.

¹¹ См. газету «Буряад Үнэн» (Бизнес Олзо) от 11 октября 2002 г. № 41 (261).

¹² Государственные языки в Российской Федерации. М., 1995. С. 377.